

**Сочинение участника Международного конкурса сочинений
«Без срока давности» 2025/26 учебного года
Рукописный вариант**

Класс	11 А
Тематическое направление	Трагедия моей семьи в годы Великой Отечественной войны
Жанр сочинения	Рассказ
Тема сочинения	Лёнька
Посвящается моему прадеду Сообщение из райкома поступило Леониду Егоровичу внезапно: в честь памятной даты сорокалетия Победы его награждают Орденом Отечественной войны второй степени. Нужно было явиться в портфельном виде и произнести речь. В тот вечер Леонид Егорович сидел в кресле, предаваясь размышлениям о том, что будет говорить на предстоящем награждении. На коленях у него лежала книга, на обложке которой блистали строгие канцелярские буквы: «Великая Отечественная Война 1941-1945: Хроника». Это была увесистая книжица, ударам которой при желании можно было бы лишить человека жизни. На такую ассоциацию наталкивал и алый цвет её обложки, напоминавший горячую артериальную кровь, брызнувшую из раны. Машинисткой,	

Рокоссовский, Жуков, Жерев и многочисленные рассказы о их жизни, победах и поражениях, содержавшиеся на страницах книги, были хорошо знакомы Леониду Егоровичу. Он надеялся найти в её бумажках нечто, что будет достойно внимания собравшихся. Однако под шуршание перелистываемых страниц воспоминания накатывали одно за другим. Он позволил себе отвлечься от поисков и погрузиться в прошлое.

Леонид Егорович вспоминал, как работница паспортного стола озвучала его всем известным и официально звучащим „Леонидом“, вместо простого Лёньки, какими его и называли родители, а заодно и назначали ему день рождения. Леонид слегка подивился тому, как такая важная для каждого человека дата, его персональный праздник и памятный день, был определён друзьями. Но так оно и случилось, ведь девушки, занявшие очередь, было невзначай, когда справляется Тёплым Алексеем, на которого и родился и в честь которого получил своё имя малыш, а запись было записано просто и ориентировочно - десятое марта.

Когда Лёньке было десять лет, в родной деревне началась страшная беженица. Брат Узянька, вместе с другой ребятнёй, мучимой тягостными голодом, пытался подпитывать себя всем „подручными кормами“, что удастся найти. И умер в том же году: недолго

отходили с кровавыми порезами после того, как на них сорочьих яиц.

После смерти брата Язани они с семьёй переехали на Украину, в маленькую деревню Жукифоровка, что была близ Украинского Воя. Там и прошло бы беззаботное детство и юношество Лёньки, если бы одним знойным летним российским летом всех не потрясло известие о начале войны. Лёня был ещё юн, но суть происходящего была ему предельно ясна, а потому изуродованный шестнадцатилетний мальчишка стремился оказать какую бы то ни было возможную со своей стороны помощь. И возможность для оказания такой помощи нашлась: из деревни, находившейся близко к линии фронта, в экстренном порядке эвакуировали жителей и ресурсы, дабы отвести их в глубь страны. Ресурсов в маленькой Жукифоровке, состоявшей из пересечения двух улиц, было немного — небольшое стадо коров и мелкие крадушки и местных хозяйств, но даже эти скудные крохи старались сохранить и спрятать подальше от наступающей угрозы. Так Лёнька задумался пастухом, который должен перегонять деревенских бурёнок. Тогда знойным солнышком деморфный парнишка шёл со взрослыми стадо, которому предстояло пройти несколько десятков километров до Марьяновки — развездной железнодорожной станции, стоявшей близ деревни, откуда коров дальше были везти.

на восток. То возвращении в село деревня Лёнка
 открылись пугающие дома и виднеющиеся вдалеке
 немецкую военную технику. Внимательный к деталям
 мальчишка, придрав глаза, получил от мамы исчерпывающие
 объяснения: все деревенское население упрям
 на „приваде фронт“, одежа, что это ради их собствен-
 ного не блага. Мама сказала, что Лёнке надо срочно
 скрываться, чтобы не отправиться в лес, за ними. Но
 где можно было спрятаться шестнадцатилетнему
 мальчишке в деревенской деревушке? От пугающих и
 неожиданных примет внезапное решение растерянный
 Лёнка убрал в кукурузные поля, через которые пролегал
 бежать... Бежать из деревни и уйти на фронт. Но не
 вышло: сосед, заблудивший Лёно, незамедлительно доложил
 об этом деревенцу тогда в деревне крик-комиссару, и неукротимо
 скрывавшегося в кукурузных полях мальчика вывели с
 дачи, говорящие на неясном ему немецком языке.

Тайного Лёно был какой-то бестой, в одной
 рубашке и замаскированных деревенских сапогах погрузили
 в уже почти пустующий кузов грузовика. Так Лёнка,
 ещё сам того не зная, попал в плен в первый раз. И вот его,
 подобно предвещению, потерь самого везет, подобно сема-
 не, в неизвестном направлении, а перед его взглядом пред-
 вали уже известные с детства разными украинскими чернозёмными
 поля и домами, мелкие ёлки и городишки, многолюдные

станции и прощальные даром. Он, однако, опомнился от скачки тем, что не мог оставаться в под угрозу жизни время и проворнулся тем, что в изобилии произрастаю у него под ногами, а потому единственно, что он знал наизусть во время перевозки, был выдаваемый хлеб или сухарные объезды. Привезли пленного в Германию и выпустили в поле, название которого было дано на подпольном чуждом языке, а потому тайна не запомнилась. Когда он смотрел на изможденные лица пленников, рассеивалась послужная смена относительно правдивости сведений Крис-коммисара, данная в деревне.

Тогда много как только оформил, помыли и выдарили лагерную униформу, оставили умирать в одиночку на своей койке. Такая удовлетворенная предвидела редкого, без многодневного труда, с разными концов страны на призываемый работы, мало понимающие приказы, передаваемые через третьи руки, были все же передовенно дискриминированы и организованы для работы. Тогда начал не меньше, чем неизвестность дальнейшей участи. Поэтому через редкого после прибытия тем же несколько редят, чей юнионский свидетельский дух не принимал назревающего осуществления, решил на перед. Среди них был и сам Крис, охрана вокруг лагерных стел была расставлена и безмолвна - без конца возмущение вербоза поправалось, что не была ли плаз кардунта этих лагерных, "кардунтов"?

Конрад уже не мог вспомнить, как именно и через какую лазейку соседними ребятами удалось уделить за пределы лагерных член, не мог вспомнить имен и лиц этих отчаянных мальчишек и от этого Корин себя. Убо удрало местами чужой стороны, мальчишки дётели наугад, протыкали нацурь, статыкало а едва предидеа погали, отпущившие и изидеи, они предтали бивший рядам с лагерь лес а добрели до крохотной деревушки. Девиль укрылись в бальном дацатам амбара, который дельцы почли в дереве, ребятами пролезли в козачерную пастройку. Их одидившие от ~~не~~ недадания взгляды пильной засталино практически боти- твенное зрелище: под сводом амбара, потаскал сохнувшиеся тисам, тиро одваданные верёвочкой были развешаны канда- сы. Узрев погодное изидение после тяжких миманий, на- чавны тут же драшили к матецам зонтам.

Транкозу прервал повторный скрежет амбарной двери. Мальчишки замерли в шеперении, допидывая Калбасу. Угроза, однако, на первый взгляд мимовала их-андар наспатрзу не фашистский солдат, а владилец амбара - обичный немецкий бюргер, с одного взгляда отпрезентив- ший, кто сейчас наездается его запасаами. Товица меновкая мимина, которую бюргер прервал отрывви- тым „Гутте!“ а медленными пасами рук, как бы пытался имкализовать, что всё в порядке. Обнадежен- ные ребята успокоились и, наевшись, двинулись дальше

на поиски пути к свободе. Однако не успели они выйти из села, как были схвачены патрулями и барьерами, указавшими на беллецов. После этого всех ребят вернули в заключение, а Лёнька же, признанный за защитника народа, был перенаправлен в другой лагерь, чему способствовало и то, что он „оказывал сопротивление при задержании“ (как была записана в отчётах его неудачная попытка скрыться). Так закончился первый период Лёньки.

После ещё одного изнурительного переезда Лёнька очутился в немецком лагере близ города Цены, в котором через множество лет появится мемориальная стела в память о лагерных жертвах. „Цена“ — это название ещё не раз за жизнь будет напоминать об оставленном в стенах лагеря здоровье.

Лёнька попал в особый лагерь, предназначенный для воспитанников, где условия содержания были ещё хуже прежнего места заключения. Живущие заключённые в основном самостоятельно, готовя дикорастущую в окрестностях лагеря бруснику. Иногда приходят посылки от „Красного Креста“ — но не советскими заключёнными. С одной из таких посылок молодой Лёнька застал впервые в жизни увиденного чужа — пленного американца, терпеливо готовящего хлеб с маслом и мясом в тухляк. Чужестранец даже было тестом предло-

нам разделиться с ним вранцуз, но Лёвко отказался, опасаясь от экзотического вида незнакомого. Позже он вспоминает об этом с сожалением. Из этого лагеря он тоже пытался бежать, уже медля за взрослыми, но попытки были безуспешными - один раз их схватили отряд с собаками, едва беженцы успели отойти от лагеря, а в третий раз они даже не смогли покинуть его стен: последний побег был предпринят напролом, не успев толком начаться.

Так Лёвко провёл четыре года в лагерях - от звонка до звонка. Когда немецкие войска в городе каннибализировали, страны, солдаты которых пребывали там в заключении, открыли на территории лагеря центр репатриации, чтобы все пленные могли получить билет и сопроводительные документы в ту страну, в представительство которой обратятся. Лёвко потом вспоминает, что из лагеря он мог бы уехать в любую страну, но сразу попал в советское представительство. Оттуда его отправили в армию, нести службу, охраняющую пребывание на чужбине. Чтобы не создавать много шума с документацией, оставили его служить здесь же, в Германии, где он прослужил три года в артиллерийской части. Словом разные не получали о нём восточные сведения и верили.

Воспоминания закончились. Что расскажет

он тем, кто будет стоять завтра перед нами и с почтением слушать ветерана? Из круга семьи он не хотел забывать об изнурительной работе, издевательствах, антисанитарии, потках до изнеможения прикладным трудом. Но правильно ли он делал? Ему, как никому, повзрослевшему и вернувшись из плена, а значит, он обязан сохранять память о тех страшных событиях и тех, кто пережил их вместе с ним. Заполненная браня, пенных редов и всех тех, с кем была его нравственная судьба, Леонид Егорович решил рассказать о тех, кто прошел столь же ужасный путь, но чьих имен нет в мемориальных альманахах.

На следующий день он шел на назначенные киндай позыминой. Это была не увеселительная эстрада, а невзрачная кинтица, из которой торчала закладка. Она была положена на шпатель с недовольной улыбкой, где среди прочего было написано:

„Конфузливо, ср. Оскордительное отношение к тому, что глубоко читается, что вызывает почтение, глубокое уважение. Происходит от промывляемого - кэцз - или - кэв -, что означает „остатки, тлен, кэти“ (откуда не жэцэй - „Келет“ или „кэтивэ“). Первоначально - неадекватное отношение к умиранию, ввиду пренебрежительное отношение к памяти тех, кто был до нас“.